

**КУБАНЫЧБЕК
МАЛИКОВ**

**ДУМА
О
ЗАВТРАШНЕМ
ДНЕ**

**СТИХИ
И
ПОЭМЫ**

**Перевод
с
киргизского**

**Советский писатель
Москва 1964**

Известный киргизский поэт Кубанычбек Маликов родился в 1911 году. Более тридцати лет назад он начал печататься и приобрел широкую известность как поэт и драматург. Стихи его неоднократно переводились на русский язык. Кубанычбеку Маликову присвоено звание заслуженного деятеля искусств Киргизской ССР.

Разве забудешь?

Земля родная и жестка — мягка.
Земля родная, мне ты помогла
И жесткие колючки полюбить,
Ведь на колючках тех растут плоды,
И если в знойный полдень
Хочешь пить,
То жажду утолят они,
И ты
Земле, земле родимой поклонись!
Земля, запекаясь как зола,
Она мне дорога по гроб, как жизнь,
Как горсть в степи последнего зерна.
У каждого есть свой аил, очаг,
У каждого есть первый в жизни шаг,
И первая пройденная верста,
Три взмаха от родимого гнезда,
Где оперился ты
И возмужал,
Взял воду в горсть,
Попробовал на вкус
И, поклонившись,
Так земле сказал:
«Земля, землица,
Я к тебе вернусь!..»
Бежит река,
Как беркут, по горам,
Березка забегает за версту.
И сдавливают слезы мне гортань —
В березке узнаю свою весну.

Любимая,
В предутренней заре
Тебя я вижу на моей земле.
Земля моя еще дороже мне.
Стремись, поток,
И жажду утоли.
Я весь в пути к моей родной земле,
К тебе, любовь,
Ядро моей земли!

Атай¹

Вокруг Таласа пастбище,
Вокруг
Дымятся травы,
Зеленеет луг.
Живет в Таласе ох какой народ,
Смеется гордо и подковы гнет.
На игрищах джигиты впереди,
На пастбищах пасутся скакуны.
Но горны заиграют —
И в груди
Забьется сердце.
Эй, джигит, гони!

Гони, джигит!
А ты, комуз, звени!
Атай великий,
Всем плясать вели!
И молнией сверкнула вдруг струна,
Комуз наполнен солнышком до дна.
Давай — по струнам,
Ох, Атай, давай —
Пусть выплеснется солнце через край!

Ты пел любовь
И молодость отцов.

¹ А т а й — знаменитый композитор, народный мелодист, музыкант.

Любовь сильнее мускулов борцов,
Любовь превыше их побед,
Любовь!

Летящая в зенит любимой бровь.

Она играет бровью,

Как струной.

Звени, комуз, —

Любимая со мной.

Но лишь замолк комуз —

И нет ее.

Она ушла.

Ищи ее, лови!

И журавлиной песни забвенье

Звенит в моей играющей крови.

Звени, комуз!

А ты, Атай, играй.

Не умер твой комуз,

Он надо мной —

Восходит солнцем,

Брызжет через край

И поздненью последненью луной!

Звени, комуз!

А ты, Атай, играй!..

Зерно

Зарницами зернится степь во тьме.
Зерно, зерно, как солнышко в земле.
Зерно, зерно, проклюнься, не спеши
И чудо надо мною соверши!
Зернится солнце в золоте хлебов,
В сплетеньях рук могучих и гербов.
Зернится солнце и в моей крови.
Зерно, зерно, богатыря роди!
Корнями ног вращая в землю, он
Пройдет, как пахарь, полем утомлен.
Зерно заронит в землю.
Дай, земля,
Мне вечное движение зерна!

Каменная крепость

Горы Ала-Тоо — Атбаши.
Облака слетаются с вершин,
И плывут, уступы обласкав,
Белые, как память, облака.
Я гляжу спокойно на закат.
Это ты ли, крепость Таш-Рават?
Выложены камнем в сто рядов
Глыбы стен руками мастеров.

Древняя, как памятник, стена.
Где вы, камнетесы-мастера?
Может, глыбой каменной врос
В эту землю древний камнетес?

Каменный сказитель красоты.
И родник бежит из-под горы,
Горький пот иль чистая слеза.
Плачет камень.
Воздух рвет гроза.

Тот родник бессмертен, как народ,
Что в горах искусство создает.
Шли века,
Но крепло ремесло.
И рука — как по небу весло.
Руки, руки, руки,
Вас пою,
Вы — кирка в труде,
Вы — меч в бою!

Руки, руки, руки.
На руках —
Мир стоит на них,
Не на быках!
Таш-Рават,
Ты — память этих рук.
Таш-Рават,
Ты каменный мой друг!

Уважаю камни я дворца,
Уважаю мастеров сердца.
Уважаю их бессмертный труд.
Ала-Тоо мой свидетель тут.
Весь седой и грозный,
Он не спит.
Сердце камнетеса он хранит.
И бежит родник из-под камней —
Гор судьба и память древних дней.
И плывут, уступы обласкав,
Белые, как память, облака.

Я гляжу спокойно на закат.
Это ты ли, крепость Таш-Рават?
Разгадаю тайну ли твою,
Каменную молодость твою?
Таш-Рават,
О древний Таш-Рават,
Гром гремит в горах,
Как камнепад.

Жить!

Сколько жить нам — три года?
А возможно, сто лет!
У какого прикола
Я скажу жизни — нет?

Я скажу жизни:
Слушай,
Слушай, сердце — стучит.
Ждет нас звездная служба,
Ей не нужен лимит.
И на вечность не надо
Никаких пропусков,
Наша молодость рада
Слушать голос ветров!

Ты живи,
Твоя сила —
Это яростный бег.
Расстелила Россия
Синь-дорогу в тот век,
Где работа до пота,
Где любовь — к солнцу бровь.
Я скажу жизни просто:
Береги мою кровь!

У какого прикола
Я скажу жизни — да!
Я к работе прикован
Прометеем Труда.

Не скажу...

Не о себе скажу,
А о тебе —
Когда встревожен я,
Как в бурю сад,
Иду, слепой, по роковой тропе,
И гулко оземь яблоки стучат.

Не о весне скажу,
Не о луне.
Мои страдания — корни тех деревьев,
Что шепчутся беспечно в вышине,
Когда я в тьму вгрызаюсь, озверев.

Страдаю я,
И, веруя, люблю.
Стенаю я.
Губ лепестки ловлю.
Нет,
Чем глубинней я вступаю в твердь,
Тем я сильнее!
Люби меня,
Иль — смерть.

Ты завязала завязь —
Узелок,
Мы вместе — сад,
А ветер — он стрелок.
И яблоко, задетое им вдруг,
Летит в траву.
Мне страшен этот стук.

Доверься мне,
Любовь,
Моя листва.
Ведь без корней
Ты б не была жива.
Доверься мне,
И ветер — жалкий мот.
Ни яблочка на землю не падет!

Ардовый посох, белый колпак

Град ли, буря или камнепад,—
Тогуз-Торо, горы, я ваш брат.
Над хребтами яростная ночь
Будет звезды, словно соль, толочь.
И луна сазаном проплывет.
Звезд круженье.
Рыб полночный ход.
И струна внезапно зазвучит,
Это с гор спускается джигит.
Лихо заломил колпак джигит,
С гор спустился молодой джигит.

Ой, джигит, джигит, джигит, джигит!
Ой, в долине скоро задождит!
Гром ударит,
Молния блеснет,
Словно кто луну подсек блесной.

Ой, джигит, джигит, джигит, джигит,
Посох твой ардовый затрещит!
Звезды ты сшибаешь,
Звездочет,
Бродишь по горам,
Ученый черт.
Звезды, словно соль,
Бросаешь в чан,
Молодой, отчаянный чабан.
У тебя за пазухою — мир,
У тебя за пазухою — миг.

Шелестят газеты,
Сто газет.
Ты несешь их в горы,
Гор поэт.
Сколько в мире,
Сколько новостей?!
Сколько в небе белых голубей!
Мир огромен.
Гляньте, чабаны,
Спутник облетает вокруг Луны.
На Луне пригрелось давно
Светлое советское тавро...

Шелестят газеты,
Сто газет.
И уходит в горы
Гор поэт.
Тишина.
Свершают звезды круг.
Лишь арчовый посох
Стук да стук.
В белом колпаке ушел чабан
Небо нараспев он прочитал.
Бьют куранты.
И с крутой скалы
Спутники взлетают и орлы.

Много о стане я женском писал.
Стан твой в стихах моих рифмою стал.
Взгляд твой и ночью мерцал надо мной.
Может, ты, милая, стала луной?

Ночью придешь на мое ты крыльцо,
Сажую в шутку измажешь лицо.
Взгляд твой совсем о другом говорит,
В темных зрачках темный омут стоит.

Ты, как луна молодая, стройна,
Все же не только стройна, но умна.
Ночью в траве я разыскивать рад
Шуток твоих голубой звездопад,

Светлых речей серебристый ручей,
Стан твой, рукой не обласкан ничьей.
Не окольцована птица-рука.
Как ты близка мне
И как далека!

Боз-Дайра

Прижата голубыми ледниками,
Река Боз-Дайра,
Я ее искал.
Спеленатая в поймах облаками,
Вдруг вырвалась из-под камней и скал.
И понеслась,
Разбуженная словно,
По темному ущелью напролом.
Моя Боз-Дайра,
Хоронясь от солнца
И от луны,
Бежишь, гремя как гром.
Не покоряясь ни зиме, ни лету,
Боз-Дайра, загляну в тебя — темно,
Напоминая своим серым цветом
Проросшее ячменное зерно.
В долину ты стремишься,
И не даром,
Туда, где к невысоким берегам
Выходит с грустью женщина,
Боз-Дайра,
Ты катишь волны
Не к ее ль ногам?
Роняют птицы перья зоревые
В твою неповторимую волну.
Боз-Дайра,
Сквозь меня иди навывлет,
Боз-Дайра,
Укачай, как мать, луну!

Качай звезду,
зарю,
окно любимой,
Бери меня в пленительный полон.
Все будет:
ночь и звезды над долиной,
Заря и кровь,
И в росах весь Чолпон!

Долиною ветров ты мчишься яро,
Моя Боз-Дайра,
Гневная река,
Вбирая реки малые Алая,
Моя Боз-Дайра,
Ты ль не велика!
И, разливаясь широко,
Не ты ли
Лун валуны вздымаешь на горбу,
Боз-Дайра, осчастливь мою пустыню
И щедро напои мою судьбу!

Дума о завтрашнем дне

Думы, думы, думы —
Солнца завязь!
В полдень веселы,
Вечер грустны.
Думы, как джигиты состязаясь,
Эту песнь выводят под уздцы.
Бьет она копытом,
Высекая
Солнечные искры и костры.
И вокруг садятся люди,
Зная, —
Этой песни помыслы чисты.
Чабаны, колхозники, поэты,
Сядьте и погрейтесь у огня,
Потому что песни не допеты,
Чаши не допиты.

У меня
Нынче праздник слова и раздумья.
Буду я о жизни говорить:
Коммунизм — планеты полнолуние —
С думой о тебе —
Гореть, творить,
Сталь варить,
Сосну валить в Сибири,
Колыбелить звонкие хлеба.
Коммунизм — единственное в мире
Солнце нашей правды и судьба!

Думы, думы,
Солнечные думы.
Сердцем разогретые костры.
Люди негибаемой Коммуны,
Вижу вас на гребне Ангары,
И на гребне века,
И у пультов,
Вижу лица в отблеске костров.
Люди, переполненные пульсом,
Радостью и яростью ветров,
Шедшие от века к веку
В битве,
Буйной не склонивши головы,
Биты,
 не убиты,

 крепко сбиты,
Скроены отменно
 и горды.

Мировых пожаров
Или просто
Продотрядов комиссары,
Вы —
Люди человеческого роста —
Выше неба,
Чище синевы!..

В жизнь иду,
Люблю, грущу и маюсь,
Оскользаюсь, вновь встаю и — в бой,
Думаю о вас и преклоняюсь
Перед вашей силой и мечтой.
Люди коммунизма.

Струн комуза
Я коснулся,
Чтоб о вас пропеть.
У костра моя садится муза,
Женщина, которой не стареть.
Чтоб сто струн звенели у комуза,
Чтоб сто солнц пылали в облаках,
Утверждалась на земле Коммуна —
Нам на радость и врагам на страх!..

Думы, думы, думы.
Небо меркнет,
В небе загорается звезда.
Думы, думы, думы —
Словно беркут.
Под крылами дум — годов гряда.
Что ж, пути и судьбы каменисты,
По дорогам века мы прошли,
Солнцелюбы мира,
Коммунисты,
Хлебопашцы неба и земли.
Оглянись,
Какая жизнь за нами!
Маркс и Ленин.
Знамя и борьба.
И еще раз — вздыбленное знамя,
И на нем — свечение герба.
Солнце рукотворное,
Его мы
В поте добывали,
И в пыли,
И в крови...

О думы — мои домны
Слов испепеленных и любви!

Я любил зерно.
И на ладони,
Как планету, взвешивал зерно.
Я ходил в огонь,
И жег огонь мне
Сердце,
Но любил я все равно!
Жизнь любил
И правду пел,
и солнце,
И еще,
припав в ночи к струне,
Женщину, которая смеется,
Пел и знал ее в походном сне.
Женщина кому-то улыбалась,
Женщина навстречу солнцу шла.
И меня не замечала.
Шалость —
Для нее моя любовь.
И шла...
Ну а я у бивуака, в поле,
Думал все о ней, о ней, о ней.
Жизнь, давно ли это было,
Помнишь —
Улетевших в небо журавлей?
Журавли курлыкали над степью,
И по остывающей стерне
Женщина во всем великолепии
Уходила.

Двадцать было мне.
Двадцать лет.
Я мучился, старался
Позабыть ее.
Джигитовал,
Брал призы на скачках,
Вновь влюблялся.
Объяснялся. Клялся. Забывал.
Но в часы,
Когда беда трубила,
Забывая все, не видел я —
Женщина все дальше уходила,
Уходила женщина моя...

Все я испытал.
Все в жизни было.
Пил я из копытного следа
Звезды.
Революция трубила.
По щеке жены текла слеза.
Уходил в поход я —
Ради жизни.
Целовал детишек у плетня...
Так я стал солдатом Коммунизма.
Коммунизм,
Он врос навек в меня.
Сердцевина века
Ты — Коммуна...
Я сижу с комузом у костра,
И звенит раздумчивая дума,
Так чиста, так песенно проста.

И луна колышется над степью.
О комуз, звени и торопись!
Стрепеты летят.
Я сам, как стрепет,
Трепетно подслушиваю жизнь.

Все в ней,
В моей жизни,
От начала
Так, как в этой песне,
Все сбылось.
О Коммуна, ты меня вскачала,
Пропитала солнышком насквозь!

И каким бы делом или словом
Ни воспел тебя,
Я все ж в долгу
Пред тобою, твой трубач суровый,
Вечно на переднем,
Не в тылу;

На смотру грядущих поколений,
На ветру разгон берущих лет —
Твой, Коммуна, я!
Со мною Ленин,
Он — народ,
А я — его поэт!

Тогуз-Торо

О, как звучен ты, всем озвучен ты,
Тогуз-Торо!
Для тебя все мои золотые мечты,
Тогуз-Торо!
Где увидишь еще такое на свете,
Эти праздничные цветы,
Тогуз-Торо!
Тогуз-Торо — ты гор голубых корневище,
Над тобой, Тогуз-Торо, орлиные выси,
Облака над тобою складка на складке!
О тебе, Тогуз-Торо, говорить только
В сказке!

Я сегодня вижу тебя, Тогуз-Торо,
Осиянные снегом просторы,
О тебе на чужбине скучаю я часто,
Тогуз-Торо, ты — гор
Золотая чаша!

От тебя не отвести изумленного взора.
Наши реки навывлет прошли, Тогуз-Торо.
Девять белых хребтов —
Девять белых оленей.
Девять горных хребтов —
Девять к небу ступеней!

Берега твои в шкуру кабанью одеты,
А на яблонях выросло розовым лето.

А на самой вершине — каракуль из вьюги,
На ее боковинах камня, как юрты!
Запрокинувши голову, видишь синь
Ой-Кайнына,
Над которым луна в новолунье
Блеснет, как копыто!
В этих пастбищах сини
Облака бока нагуляли.
Эти камни пошли бы
На чеканку медалей.
Под твоим небосклоном —
Орлы свои крылья простирали,
Рвутся ливни арчи,
Как дожди после лета, — в просторы!

Тогуз-Торо, в дождях, в росах,
В яростных травах,
Тогуз-Торо, железные кони
На трактах!

Цвет рассветный хребты пропитал —
Цвет весенний!
Сколько здесь половодий
Справляло свои новоселья!
Еще с прошлого лета,
Что дождями на землю осело,
Трутся тихо ветра
Боками о синее сено!
Значит, будет довольство,
Значит, овцы приплод нагуляют,
Где крутой небосклон
Облака над землей нагибают.

А к востоку от гор,
Туда, к Ой-Кайныну,
Травы густо набили росой
Лощину.
Будут песни и скачки!
И тысяча всадников будет!
Будут девичьи вздохи,
И тысяча праздников будет!
Помни, гордый народ мой,
Овеянный горной метелью,
Помни, что Тогуз-Торо
Был твоей колыбелью!

★ ★ ★

Никто не находил на свалке славу,
Не к каждому она приходит в дом.
И пеночка с дрожащим клювом слабым
Ни соколом не станет, ни орлом.

Чем дальше в жизнь,
Тем яростней и строже
Она предъявит требования мне.
Когда на чашу золото положат,
Железо понижается в цене.

Неважно,
Будешь первым или сотым,
Ты никого за это не вини.
Ты головой своей стремись к высотам,
Но шею быть высоким не тяни!

Взморье

Серое и бескрайнее,
Скользкое, как слюда,
Море, как утро раннее,
Кличет: «Иди сюда!»

Шумно играет гравием
Волн бесконечный гон.
Издавна хладнокровием
Здесьшний народ силен.

Солнце арбузным золотом
Катится в вышине.
Листьев полночным шепотом
Латвия снится мне.

Молча хожу по берегу.
Звезды стынут в песке.
Море тяжелой бездною
Падает вдалеке.

На улицах Риги

Я шел по Риге.
Улицы чисты.
Дымится солнце на любой стене.
Я первый раз ступаю на мосты,
Но Рига издавна знакома мне.

Я в уличный поток сегодня врос,
Я врос в улыбки,
В голоса, в цветы.
Прохожий, оглянись,
Задай вопрос:
Зачем ты?
Кто ты?
И откуда ты?
Я с языком латышским незнаком,
Но мне приметы городов ясны.
По почке, не успевшей стать листком,
Ребенок узнает приход весны.
По-русски латыша пришлось спросить:
Как в этом городе мне Ленина найти?
И протянулась вдруг от сердца
К сердцу нить,
Сошлись в одну дорогу два пути.
Переспросил прохожий:
«Ленин, да?»
Моей руки коснулся он рукой.
На солнечной булыжной мостовой.
Один язык мы обрели тогда

По тишине,
По звонкой тишине,
Несли нас долго наши башмаки.
И наконец на ослепительной стене
Я слово «Ленин» прочитал из-под руки.

Над нами грохотал двадцатый век.
Мы шли между домов,
Как между скал.
И был доволен этот человек,
И я был рад тому, что отыскал.
Я радовался,
Словно здесь нашел родню,
Как будто в город я вернулся свой.
Вошел в свой дом,
Присел к огню,
И мои братья говорят со мной...

Табличка золотится на стене
Со словом, равным солнечным лучам.
Мы с латышом шагаем по весне,
Мы счастливы,
И солнце светит нам.

Балтика

Горбятся волны,
Вскипают валы,
Белы, как вершины, их гребни,
Как будто киргизские горы вдали
Я вижу,
И голос мой крепнет.

Я морю кричу:
«Ты напомнило мне
Бурливые горные воды.
Качало меня на высокой волне
Соленое море работы».

О море работы!
Вошли в мою жизнь
Прибой твой
И ритм неумный.
И мир мне открылся —
В слезах синих брызг,
Как Балтики небо, огромный.

Киргиз я,
Но море вскачало меня,
Соленое море работы.
Балтийское море.
Кронштадтский маяк.
Как ястребы, мчатся швертботы.

И ты вместе с ними
Навстречу летишь,
Навстречу и ветру, и свету,
Мой брат и товарищ,
Веселый латыш,
Прости эту вольность поэту!

Нас море сроднило.
Прекрасней, чем песнь,
Его голубая стихия.
И мир голубой, словно Балтика, весь,
И вся голубая Россия!

★ ★ ★

В Алма-Ате есть яблони мои,
На них созрели яблоки давно.
Ты отвори в тот сад скорей окно
И заспанные руки протяни.

А в Душанбе есть гибкая лоза,
И гроздья отягченные грузны.
А в Душанбе есть черные глаза,
Которые немножечко грустны.

Есть в Ашхабаде сладкая хурма,
Ее в трудах выращивал туркмен.
Туркмен, мой брат,
Да здравствует хурма,
Подаренная, словно солнцу, мне!

Я — человек,
Я — век своей страны.
Вмещаю я пространства и простор.
И зримые плоды моей страны
Я поднимаю над хребтами гор.

По улицам различных городов,
Как улицами Фрунзе, я хожу.
В Ташкенте жирный варится мой плов,
В Алма-Ате я яблоки грузжу.

О, сколько городов есть у меня!
Их подарил мне Ленин, мой отец.

О, сколько есть домов,
Где ждут меня,
Певца добра и радости сердец!

И весь я — сад,
Где сладки трудодни,
Где яблони поют, как соловьи.
Ты только руки, слышишь, протяни —
И яблоко румяное сорви!

Талды-су

Придет лето — от жары трава седа.
А зима придет — ударят холода,
Где лежит в ущелье там, внизу,
Широко, вольготно Талды-су.
На зеленых улицах Талды
Росы предвечерние теплы,
Будто на джайлоо, в Талды-су...
О Талды, одним тобой дышу!
Школа посредине кишлака
Путнику видна издалика.
Сколько здесь мальчишеских голов,
Сколько здесь оставленных годов.
Юность здесь оставлена моя,
Здесь исток того, что начал я,
Здесь истоки к песенной стране
Через смех мальчиший
К седине.
Зажигает за звездой звезду
Над домами густо Талды-су!
Звезды — словно в море маяки.
А вокруг погодки, земляки,
Те, что бегали со мною в первый класс,
Те, которым песню я припас.
Зреют кучно звезды на заре.
Я хожу по солнечной земле.
Яблоки краснеют от зари,
Яблоки свисают до земли.
Девушки от яблок взяли цвет:
В целом мире их румяней нет.

Так зажги же надо мной звезду,
Словно солончинку, Талды-су,
Чтобы песня эта, как весна,
В сердце земляков моих взошла!

Семья

Заря снимается с цветка.
Семья проснулась утром ранним.
И сын встает,
Его рука
Сазаном плещется под краном.
Смеется сын на весь наш дом.
Мать просыпается, как птица,
Под чьим внимательным крылом
Семья счастливая гнездится.

Встает отец.
О, взгляд отца,
Как с детства нами понимаем,
Когда мы с отчего крыльца,
Как с космодрома,
В жизнь взлетаем!

И крылья пробуем на взлет.
И, отмечая сумрак напроць,
В мир, где прекрасен дня восход,
Дом открывает двери настеть!

Истинная дружба

Джигит иль пахарь,
Юноша лихой,
Хлеб добывавший собственным горбом,
Увенчанный,

развенчанный,
больной,

Ты думай о народе,
Лишь о нем.
Судьба народа — и твоя судьба,
И ты пойми,
Осмысливши навек, —
Дорога жизни — горная тропа
Над крутизной и бездной горных рек.
Увидев ледниковый перевал,
Иной свернет с дороги
И — пропал.
Но ты иди,
Покуда не упал.
За перевалом — новый перевал.
И думай о народе,
Лишь о нем.
И если, за спиной твоей шепча,
Вчерашний друг
Становится врагом,
Не разуверься в людях сгоряча.
Есть друг,
Он неприметен был вчера,
И ты его почти не замечал.

Так в отблесках походного костра
Не видим тех,
Кто чуть поодаль встал.
Но ты взглядишь —
И — вот его рука!

Двоим не так уж страшен перевал.
Последний хлеб лежит на дне мешка,
Последний хлеб друг делит пополам.
Последний хлеб он делит на двоих.
И пропасть, и обвалы — нипочем...

Так славь мужскую дружбу,
Слышишь, стих!
И думай о народе,
Лишь о нем.

Калам

Я в руки с детства взял калам —
Перо, чья сталь — мой меч и щит.
И вот мой стих, как грубый шрам
На лбу бойца,
В зенит летит.
Когда певец — простой косарь,
Трудами пастбищ изнурен,
Он молод, даже если стар,
Он стар, хотя и молод он, —
Он мудр, как белая гора,
Ему все подлое претит.
Он вынет сердце у орла
И руки в крылья обратит.

Он высечет из камня храм,
Людей посадит у костра...
Я в руки с детства взял калам,
И нет мне жизни без пера!

Золотой песок

Говорили деды,
И до нас дошли эти думы,
Говорили деды
Про темные Кара-Кумы:
— Глядишь на песок
С верблюжьего роста —
И кажется: не песок
Перед тобою, а просо.

Хорошо раньше старики говорили,
И до нас, как караваны,
Дошли эти были:
— Когда глядишь на песок,
В барханные дали —
Кажется, что узоры
Девушки вышивали.

Хорошо старики говорили,
А отцы еще лучше:
— Кажется, на песке
Солнечный зайчик-лучик.

Отцы хорошо говорили,
Но детям не хуже кажется:
Огненным шаром солнечным
Песок по пустыне катится.
Это грозное золото
Пустыня жаркая выткала.

Это солнце из неба
На землю горькую вытекло!
Кто назвал эту землю
Черным песком,— скажите! —
Тот не видел ее глазами
В сомненье пустом — скажите!
На этих песках каленых
Новая жизнь пробудилась.
Этой земле пустынной
Судьба прекрасная добыта.
Эта земля не барханы,
А яблонь осеннее золото...

Хорошо земляки говорят,
Пусть хорошею песня будет!
Мой земляк в Кара-Кумах
Черную землю бурит,
Мой ровесник сажает
Хлопок
В пустыне первым.
И черный песок
Становится из черного белым!

Две песни

Ранним утром песню слушай ты в горах,
Песню жаворонка в белых небесах.
О заре поет полет его вдали.
А я думаю, поет он о любви.
Слушай песню в звонком горле соловья.
В этом горле бьется молодость моя,
В этом горле та любовь и та тоска,
О которой плачут черные глаза.
Пара глаз, как пара сизых голубят.
В сердце струны о любимой гомонят,
Когда луч луны на щеки упадет —
Сердце жаворонком звонко запоеет.
Синий жаворонок — песенный ручей!
Открывает с горлом сердце соловей.
Не осталось в мире слов о той любви,
Что летит, как будто жаворонок в крови.
Пусть же зреет виноградная лоза,
Пусть сплетаются, как лозы, голоса.
Пусть же будет каждый в счастье —
новосел,
Как две песни возле песенных озер.

„Московская“ улица

В белый зной гор Тянь-шаньских рога
Пробуравят седые снега.
Возле серых подножий легла,
Пеной сдобрена густо, река.
И поет у равнин на виду
Город мой,

тот,

которым иду!

Иль в Москве, по ее площадям
Прохожу, как по сказке?..

И сам

Говорю своей памяти так:

Будь же радостен каждый мой шаг,

Шаг по той середине земли,

На которой надежды выросли.

Я «Москва» говорю —

И в полет

Улетает душа, как поток.

Слышу я, как в душе тяжело

Вырастает крыло и крыло!

О Москва, ты вдали — не вдали,

Так спасибо тебе за дары,

С ними мы доросли до орлов,

Так спасибо за всех земляков!

Этой улице, знать, потому

Имя дали твое,

И ему,

Словно ивам, качаться во мне,

Словно ленинской лампе в окне.

Я по улице гулкой иду
У планеты, у всех на виду.
И мечты у меня впереди,
Словно в Кремль велят:
— Заходи!
Заходи! —
И вокруг — синева.
Заходи!
Словно рядом Москва!..
Оглянусь — и уже наяву
Вижу горы мои и траву,
Белый зной и реки берега,
Где весь март умирают снега!

Портрет Кастро

Утро засохло на листьях,
Утро горит на окне,
Пусть свежий ветер врывается
Утренним в сердце мне!..
Но раньше лучей, запеленатых
В облака и туман,
На подушке сны свои оставил
И задумался мальчуган.
Он смотрит на лист бумажный
Пристально так, в упор,
И память перебегает
Через задумчивый взор.
С бородой
И в солдатской куртке
Перед ним человек встает,—
И мальчик его рисует,
Рисует, как будто поет!
Маленький мой мальчик
Улыбнулся весело мне
И сказал:
— Пусть портрет Фиделя
Висит у нас на стене! —
Человек бородатый
Почетным
Стал гостем в стенах моих!
Земля! Ты должна гордиться
Тем, что родишь таких!
Горы увидишь издали,
А холм из-под руки.

Я Фиделя вижу в Тянь-Шане
Через материки!
Сыннишка мой покамест
Не нарисовал, горя,
Ни матери, ни ровесников —
Нарисовал богатыря,
О котором большая слава
Несется во все концы...
Мечты, как листья, проклюнулись,
Оперились,
Словно птенцы,
Когда он увидел впервые,
Впервые тебя, Фидель.
И в сердце сынишки синим
Вдруг полыхнул апрель.
Обычай двадцатого века —
Дружбы великая цель!
И я говорю вместе с сыном:
— Приезжай к нам в гости, Фидель. —
Дружба — обычай века,
И над нею новая рань.
Фидель, тебя сын мой просит:
— Приезжай к нам, Фидель,
в Тянь-Шань!

Первое ремесло — язык

Язык народа.
Вéка соловьи
Поют в горах,
Где гнет роса кизил.
Настраи́ваем струны мы твои
Порой неверно.
Ты прости, язык.
Тебя мы закаляем,
Как булат.
Рази врагов,
Щади друзей.
И знай —
Лишь к непогоде раны заболят,
Ты исцелишь их,
Вечный мой ручей!
Дорогу ты прорубишь
И пройдешь,
Достигнешь звезд далеких
И Луны.
Веселый, неожиданный, как дождь,
Суровый, словно память той войны.

Ложь разрушает душу,
Словно ржа.
Но твой правдивый голос зазвучит —
И словно исцеляется душа,
И — крылья расправляет,
И — летит!
И в мире снова дышится легко.

Язык народа,
Гнезда вей свои!
Паси стада,
Пей синь, как соловьи,
Ал, как заря,
И чист, как молоко!

Большой Нарын

На твои крутые облачные груды
Вьюги, вьюги настелили свои шубы,
И снега пылают стужей, горячи,
Возле тропки. Возле ели и арчи.
И, как лед, кристальна и чиста
Из Тянь-Шаня увезенная мечта.

Я — лишь капелька, рожденная на склонах,
Загустил мне кровь тянь-шаньский
крепкий воздух.

Над тобою зори хлебосольны,
Над тобою звезды — в поле зерна.
Сердце бьется, сердце мне мечты кукует,
Что тебе, Тянь-Шань, всего еще прибудет!
И, отдав тебе любовь свою,
О тебе я слово говорю!

1

Чья та шапка,
Что крутые брови прячет,
Чей тот конь,
Что на копытах задних пляшет?
Чей тот голос,
Что поспорит с соловьями,
Чьи глаза,
Что разгорелись под бровями?
Чьи те волосы,
Что на плечо упали?..

Сидит девушка на огненном тулпаре —
Едет девушка,
Поигрывая камчою,
Едет девушка
Опасною тропею.
Той, которой ходят чуткие архары.
Той, где елки с хвостами,
как с мехами!

А над нею скалы, словно топоры,
Перед ней в ущелье ходят табуны.
Как своей камчою
Девушка взмахнула,
Как взмахнула —
Так и песню затянула:
«От смеха до горя бежали деньки,
От юрты до юрты ходили дымки...
Я тебя в лугах ждала,
Цветы каленые рвала.
Думала, что будем вместе,
Ой!
А теперь жду только вести,
Ой!
Мое пастбище с тобою
Было рядом в ночь и днем.
Сколько раз бежал тропею
Твой скакун с моим конем.
Память, стой, не скачи,
На меня глаза скоси,
Мне б до той поры дожить,
Когда вернется мой джигит.
Его пастбище с моим —
Как с костром кизячный дым.

Мои мысли на узде
Ходят только вслед за ним.
Вспомни тот лесок,
Джигит.
Я ждала тебя, ждала,
Отчего жесток,
Джигит?
Поднял белое крыло
Синь-мороз —
И помело!
Когда вспомню про тебя —
На моей душе тепло.
В белом снеге синь-мороз
С вьюгой делают прокос.
Когда ты придешь обратно —
Захлебнусь от горьких слез».

Песня, тише,
Песня, стой!
Льется голос молодой —
Каждый, кто его услышит,
Всякий станет сам не свой.
Это ль голос обрывается в ущелье,
Это ль голуби на белый снег присели,
Это ль белая черемуха бурана?..
Едет девушка, от песенки румяна.
Едет девушка и весело поет —
Словно яблоки тебе в ладонь кладет.

2

Там, далеко,
Где снежок улегся наземь,
Джигит едет на гнедом коне горячем,
Впереди него колышутся, темны,
Черно-бурые, гнедые табуны!
Высекают искры из тропы копыта.
Сколько силы в руках крепких у джигита!
На усах его замерзших, как слюда,
Застывают вновь кусочки льда!
Голос у него — сильней обвала.
А в глазах его — горит отвага.
Если он камчою замахнется —
Вьюга испугается, вернется.
Если он камчой своей ударит —
То буран пройдет,
Весна ударит!
Если крикнет он — скала сорвется.
Слово скажет — засияет солнце!
Девушка увидит —
Скажет верно:
— Это мой любимый, самый первый!

3

Как арчу, что над рекою зреет,
Сколько не сгибай — опять прямееет,—
Так и старику в сто лет не гнуться,
В самом сердце вёсны отзовутся.
Он тогда легко, не тяжело
Вскочит, словно юноша, в седло.

У подножий гор тик-такают ключи,
На вершинах снег разжег свои костры.
У подножья с крутизны течет Нарын,
Извиваясь, как на берегу налим.
Мчит Нарын стремглав, разъярен, дик.
И таранит камни, будто бык...
Живет месяц среди синей высоты,
А пройдет — заденет боком за хребты,
Тыщи звездочек посеяно во мгле,
Тыщи звезд — как тыщи зерен на земле.
Звезды — дочери Нарына — легли спать
В голубую, незастуженную гладь.
И качают волны пенные дары.
И подняли юрты белые дымы.
Слушай, слушай ты, эпоха, песню эту.
Слушай землю ты мою и слушай ветлы,
Слушай песнь киргиза,
Слушай дым!
Так плечи струю в месяц, мой Нарын!

★ ★ ★

О река моя, пропитанная синью,
Мы запрудим твои волны, твои шири.
Твою силу мы направим в провода,
Чтобы ты бежала ныне в города!
Скоро мы тебе закроем ту дорогу,
Чтобы ты пришла к чабаньему порогу!
Скоро мы тебе закроем древние пути,
Чтобы ты могла на улицы прийти!
Будешь не глуха ты, не слепа,

Будешь, как коней,
Пить хлеба!
Ты пройдешь, подобно скакуну,
Через горы, через степи в Фергану.
Ты теки и набирайся силы,
Ты теки — и набирайся сини —
В степь голодную
Быстрее, чем ветра.
И поможет тебе в том Кара-Дайра.
Ты безводные пустыни напои,
Хлопок белым солнцем,
Белым солнцем накали!

Там, где раньше задыхался солончак,—
Пусть о землю абрикосы застучат,
Пусть у девушек, что выросли в степях,
Вспыхнут яблоки румянца на щеках!
Так теки, Нарын, сквозь степи напролом,
Чтобы солнышко ходило, как паром.
По траве, и по росе, и по цветам!..
Ты отдай, Нарын, себя степным ветрам.

По пустыням, по пескам, Нарын, лети,
Чтоб в садах Узбекистана зацвести.
Будь же щедрым, напои траву равнин!
Степь узбекскую одень в цветы, Нарын!
Чтоб она была одета по весне,
Вплоть до осени, в зеленое курьме.
Ведь узбеки — наши братья по любви
И по пролитой в боях с врагом крови!..
С гор Тянь-Шаня ты струи свои стреми,
Ты, Нарын, от них слова любви прими.

Льды ломаются о волны о твои!
Подо льдом звенят твои струи.
Этот грохот, этот рев и этот звон
Наступает на пески со всех сторон,
Ты в утесы бьешь волной своей в упор
Между девяноста синих гор,
И, сверкая словно девять тысяч звезд,
Для созвездия республик ты — как мост!

Винтовка

Поэма

1

Зимою у подножья горных гряд,
Когда тревожно дотлевал закат,
В обдутой ветром юрте шестикрылой
Бай Аласбай сидел, потупя взгляд.

Окрестность вся пустынна и темна,
Кладбищенская в юрте тишина.
Откидывая полог то и дело,
Наружу смотрит байская жена.

Пес встрепенулся, лая и ворча,
И сразу смолк — его ожгла камча.
Подъехал к юрте осторожно всадник
И слез с коня, уныло бормоча.

Склонившись для приветствия на миг,
Перед лицом хозяина возник
Молла Коеп — прислужник богатеев,
«Аткаменер»¹ — бессовестный старик.

Крестообразно руки он сложил,
Сесть разрешение молча попросил.

¹ А т к а м е н е р — прихвостень.

Почтительно разглядывая стены,
Все ждал, чтоб первым бай заговорил.

— А ну, молла, что нового привез?

— Сказали мне не в шутку, а всерьез,
Что есть приказ о высылке манапов, —
Коем с кривой усмешкой произнес.

— А что еще ты слышал, не скрывай!

— Я у купца Чонгола был, мой бай,
Он мне шепнул:

«Оружье в срок прибудет.

Мол, Аласбау так и передай!»

— Видать, не зря ты заморил коня...

А чем еще порадуешь меня?
Недаром ожидал тебя я долго,
За леность незаслуженно браня.

— Невесело тебя мне огорчать,
Но что поделать?

Не могу молчать!

Племянник твой Бекташ совсем свихнулся, —
Решил советским активистом стать.

Он веру мусульманскую забыл,
Халат на платье русское сменил
И, позабыв твои благодеянья,
В союз бедняцкий, говорят, вступил.

Он ходит к русским в их нечистый дом
И с ними пьет и ест за их столом.

Кто не слышал про доктора Андрея?
Так вот, он дружит с докторским сынком.

— Какой позор! Капыр¹ в моем роду!
Мы все сгорим из-за него в аду.
Не пощажу отступника такого,
Я счеты с ним по-своему сведу!

— Ты говоришь прекрасно!
Сам пророк
Сказать бы справедливее не мог.
Но, может, лучше подкупить Бекташа,
Чтоб этот голодранец нам помог?

...Припомнил бай — он тоже был хитер! —
С племянником недавний разговор:
К нему Бекташ заехал по дороге,
Когда с охоты возвращался с гор.

— Для дастархана я ращу свой скот,
Всех угощаю, кто ко мне зайдет! —
Лукавый бай сидел с Бекташем рядом,
Чай наливал, пододвигая мед.

— Прославлен дружбой род старинный наш,
Ты радость в доме, брата сын Бекташ!
Бери себе в подарок аргамака,
Честь окажи, любезный мой племяш.

¹ К а п ы р — вероотступник.

противны те скупцы,
Которым жаль для близкого овцы.
Ставь юрту, дорогой, с моею рядом,
И заживем, как деды и отцы.

Не помогли ни бешбармак, ни плов...
Бекташ был насторожен и суров,
Коня он выбрал, будто бы по праву, —
Вскочил в седло и сразу был таков!

...Размыслив здраво, раннею весной
Почти весь скот Алас распродал свой,
Для вида раздарил одну отару
И обзавелся крупною деньгой.

Теперь он не лелеял бороды,
Ловчил, юлил и заметал следы.
Но все равно его не покидало
Предчувствие несчастья и беды.

Он целый край держал в своих руках,
Он никогда не каялся в грехах.
Да, нелегко былому властелину
Почувствовать беспомощность и страх.

Он не привык ни шагу уступать,
Он не умел пред сильным трепетать.
И вот пришлось могучему манану
Перед Коеном душу изливать:

— Горе-горькое мое,
Злополучное житье.
Гложет сердце мне обида —
Расскажу я про нее.

Дальний родич мой Телеш
Был покорен и хорош.
Сын его Бекташ, разбойник,
На меня готовит нож.

Тот Телеш мне угождал,
Лисьи шкурки мне таскал, —
Чтоб свести концы с концами,
Он охотой промышлял.

Неуверенно, бочком
Заходил он в байский дом
И стоял переминаясь
Да покашливал тайком.

Не однажды было так,
Что, боясь моих собак,
В дом войти он опасался, —
Место знал свое бедняк!

Если я настроен был,
Благосклонно с ним шутил, —
Он в мои валился ноги
И о помощи просил:

«Благодетель дорогой,
Раздобылся я лисой.

Счастлив буду, если примешь
Ты подарок скромный мой!»

Просит он, чтобы я помог!
Мне не жалко, видит бог.
«Эй, жена, неси бедняге
Пару старую сапог!»

Эх, проклятая судьба,
Всюду распри и борьба.
Позабыл благоденья
Сын вчерашнего раба!

Что тут делать — не пойму!
Враг едва ли не в дому.
Надо встретиться с Бекташем, —
Поезжай, молла, к нему!

2

Сары-Озен измучила зима.
Рассветная притихла полутьма.
Бекташ сегодня до зари проснулся,
На улице метели кутерьма.

А под навесом теплый полумрак,
Хрустит овсом дареный аргамак.
Мороз коня такого не остудит —
В хороших конь, уверенных руках.

За утро надо многое успеть —
Капканы и ловушки осмотреть.

А вдруг удача?

И блеснет в капкане

Лисы-огневки пламенная медь.

Бекташ собрался на охоту.

Вдруг

Копыт он слышит равномерный стук

И Кoenбая видит он с досадой.

А тот кричит:

— Повремени-ка, друг!

Молла, подъехав, трудно слез с коня:

— Ух, я замерз! Согрей, прошу, меня! —

И, в дом войдя, уселся возле печки,

Она была полным-полна огня.

Жена Бекташа появилась тут,

Внесла и чай, и масло, и курут¹.

Поставила горячие лепешки:

Кто б ни был гость — киргизы гостя чтут.

Чай отхлебнув, как будто невзначай

На стены остро глянул Кoenбай

И, в рамке фотографию увидя,

Запричитал притворно: — Ай-ай-ай!

Стал портиться народ, скажу при всех!

Держать портреты — это смертный грех...

— Эй, замолчи, — Бекташ заметил хмуро, —

Хоть ты мне гость, а выброшу на снег.

¹ Курут — сушеный овечий сыр.

Мне ничего дороже в жизни нет,
Чем Ленина великого портрет.
Он беднякам открыл дорогу к счастью,
Зажег для нас большой свободы свет:

Коен — свое:

— Скажу тебе в глаза,
Портреты в доме нам держать нельзя.
В ад попадешь ты, прогневив Аллаха,
Ты богохульник, ай Бекташ-мырза!

Бекташ вскипел:

— Довольно, не болтай!
И Ленина, смотри, не задевай.
Тебе не дам я наше счастье пачкать.
Ты чаю попил — уходи давай!

(С большим трудом Бекташ сдержаться
смог.

Не выбросил он гостя за порог,
Но так он поглядел на Коенбая,
Что гневный взгляд едва моллу не сжег.)

Но вспомнив порученье, в тот же миг
Стал улыбаться приторно старик:
«Попробую подладиться к Бекташу,
Будь он неладен, красный большевик!»

— Ох, прости меня, Бекташ!
Старика не обессудь, —
Разговор горячий наш
Поскорее позабудь.

Думал я, входя в твой дом,
В простодушности своей,
Что развешаны кругом
Шкуры мягкие зверей.

Почему же вдоль стены
Я не вижу, дорогой,
Ни бирючьей седины,
Ни лисицы золотой.

Ты удачлив был и смел,
На волков один ходил.
А теперь, для новых дел,
Про охоту позабыл.

Позабыл в недобрый час,
Что на свете есть такой
Обедневший бай Алас —
Благодетель мой и твой.

Он, что был достойней всех,
Разорен и не в чести.
Ты в подарок куний мех
Мог бы дяде отвезти.

Впрочем, что тут говорить,
Подходить издалека, —
Надо дядю отдарить
За его аргамака.

Напрасно он напомним про коня!
Наружное спокойствие храня,

Бекташ ему в ответ заговорил,
И гнев и боль в одно соединя:

— Слово в слово, Коенбай,
Речь мою запоминай.
За Аласом долг остался —
Так ему и передай!

Был отец ему рабом,
Мать моя была рабой.
Бай наказан поделом
Справедливою судьбой.

Он корит меня конем,
Но известно всем о том,
Что богатство Аласбая
Нашим нажито горбом.

Власть теперь у нас в руках.
Аласбай наш лютый враг.

...Коенбай ладони поднял:
— Пусть простит тебя Аллах!

Кровь одна у мусульман,
Ты попался на аркан.
Доверяй поменьше русским,
Их слова сплошной обман.

С ними надо быть хитрей,
Брешет доктор твой Андрей,

Он тебя в Советы тянет
Ради выгоды своей.

Больше думай о родных
Посреди людей чужих.
Сотворишь благое дело,
Если ты обманешь их.

С ними, господи прости,
Нам с тобой не по пути!
— Ах ты, байская собака,
Свой язык укороти!

Коенбай стремглав вскочил,
Пиалу свою пролил.
Все законы шарията
Правоверный позабыл.

Даже выругался зло...
Как джигит, взлетел в седло,
И следы его кобылы
Белой вьюгой замело.

3

Ночь, как колодец, вымерзла до дна,
Дорога нескончаемо длинна.
Перерезая Чуйскую долину,
Гудит со стужи, жалуясь, она.

Вот на крыльцо, оттапывая снег,
Взошел неспешно старый человек —
Неутомимый доктор спать не ляжет,
Пока больных не выслушает всех.

Он к этой жизни издавна привык:
Ему знаком киргизский наш язык...
Услышав резкий скрип колес по снегу,
Глядит в окно взволнованный старик.

Тревожно доктор подошел к арбе
И услышал,
 не веря сам себе,
Охрипший голос собственного сына:
— Отец, Бекташа я привез тебе.

— Не будем тратить время на слова,
С арбы его нам надо снять сперва! —
В простертом неподвижно человеке
Бекташа доктор узнает едва.

Его с арбы снимают не спеша,
Несут в больницу, сдержанно дыша.
А вслед за ним, поникшая от горя,
Идет Джюзюм, подруга Бекташа.

С лица джигита спала смуглота,
Две скорбные черты легли у рта.
И красной кровью, хлещущей из раны,
Его одежда щедро залита.

В больничной белой шапочке своей
Над ним хлопочет доктор наш Андрей.
И говорит уверенно и быстро:
— Готовьте к операции скорей.

Как не истек он за далекий путь!
Ведь если б вы замешкались чуть-чуть,
Хоть молодец и сложен богатырски,
Не удалось бы жизнь ему вернуть.

4

Шел день за днем. Немало долгих дней
Лечил больного русский врач Андрей.
Любовно он выхаживал Бекташа,
Как будто одного из сыновей.

Джюзюм в больнице целый день сидит,
И по ночам она почти не спит.
Бекташу лучше — молча веселеет,
Бекташу хуже — сумрачно молчит.

За окнами больничными бело,
Почти до крыши снегу намело.
И Митя снова повторял волнуясь
Отцу, как это все произошло:

— В больницу с гор в тот день я сено вез.
Стемнело быстро, прихватил мороз.
«Ну что ж, переночую у Бекташа»,—
Подумал я и завернул свой воз.

Еще на небе звезды не взошли,
Как мы уже с хозяином легли.
Но в полусне,
сквозь войлочные стены,
Неясный шум слышался вдали.

Кобель Бекташа жалобно завыл;
Хозяин, словно вострепанный, вскочил,
Я видел, как он выбежал наружу
И толстый кол на случай прихватил.

В крошечной тьме, как будто на беду,
Никак своей винтовки не найду.
Но вот ее я все-таки нащупал
И выскочил, ругаясь на ходу.

Смешалось все: проклятье, выкрик, стон,—
Наш богатырь был подло окружен,

Но, от наемных псов, не отступая,
Колом тяжелым отбивался он.

Один уже распластаный лежит,
Другой, согнувшись, за угол бежит.
Но понял я, что все-таки слабеет
И долго не продержится джигит.

Я выстрелил не целясь, наугад —
Разбойники отпрянули назад.
Я вновь пальнул —
бандиты побежали:
Они своею шкурой дорожат!

Но тут Бекташ сквозь зубы застонал,
Крениться набок обреченно стал,
И словно дуб, подрубленный под корень,
На мятый снег он медленно упал.

Поднять героя попытался я —
На руки крови хлынула струя.
Перевязал я друга полотенцем,
Себя за неумение кляня.

И на арбе мы тронулись во тьму, —
Как довели живого, не пойму.

В окошко глядя, седоусый доктор
Прислушивался к сыну своему.

А Митя возбужденно продолжал:
— Он молодец,
я это прежде знал!

— Что ж, забывать об этом и не надо —
Нельзя спускать ни волку, ни врагу.

5

Позолотел предутренний восток,
Надели горы розовый платок.
Тепло долине в белом кементе,
Напорист, весел ранний ветерок.

Радушен дом твой, аксакал Андрей!
Ты сам стоишь у отпертых дверей,
С подчеркнутым вниманьем ожидая
Известных нам по повести друзей.

А вот и гости!

Первым входит в дом,
Прихрамывая, словно бы с трудом,
Бекташ.

За ним спешит его подруга
С наполненным подарками мешком.

Широкий стол, как в праздники, накрыт,
На главном месте самовар кипит.
Известный всем закон гостеприимства
Принять гостей по-щедрому велит.

Своей стряпнею докторша горда,
Дымится в мисках вкусная еда.
Припасены, для утоленья жажды,
И сладкий мед и горькая вода.

И вот Джюзюм, смущенная слегка, —
Задача эта, видно, нелегка —
Кызы, курут и сливочное масло
Поспешно вынимает из мешка:

— Ни барана, ни коня —
Ты, пожалуйста, прости —
Мы, по бедности, тебе
Не сумели привести.

Но куда мы живем, —
Пусть проносятся года, —
Мы про этот добрый дом
Не забудем никогда.

«Ах, дочка, дочка, твой достаток мал, —
Так про себя подумал аксакал, —
Но я б тебя жестоко разобидел,
Когда б подарка твоего не взял».

А вслух сказал:
— Положено друзьям
Делить свое богатство пополам.
И в нашем доме что-то да найдется!
А ну, жена, налей по чарке нам!

Бекташ стакан свой выпил до конца
И так ответил, изменясь с лица:
— С женою вместе разрешенья просим
Считать тебя за нашего отца.

...Дымится чай и золотится мед,
Не прекращаясь пиршество идет.

Врач с Дмитрием о чем-то пошептался —
И тот винтовку в комнату несет.

Старик взволнован.

Взгляд его открыт.

Он, обратясь к Бекташу, говорит:

— Возьми, сынок, подарок мой —
винтовку,

Пускай она тебе принадлежит.

Мне, старику, теперь, на склоне дней,

С оружием обращаться все трудней.

Бей из нее по кабану и волку

И защищай народ от басмачей.

Купец Чонгол и тихий бай Алас

Оружье смерти подняли на нас.

Преследуют их красные отряды,

Не скрыться им от большевистских глаз.

Бекташ винтовку бережно берет.

Безмолвно сжат его красивый рот,

Ведь он сейчас пускай не вслух, а молча

Присягу справедливости дает.

6

Оковы льда сняла долина Чу,

Уже ручей летит вдогон ручью.

Киргизский край сказал советской власти:

«Жить научи меня по Ильичу!»

...Обходной тропкой,
миновав заслон,
Купец Борис (Чонголом прозван он)
Вдвоем с Аласом обошли заставу,
Перебираясь тайно за кордон.

Алас от горной свежести продрог.
Настал, как видно, искупленья срок!
— Пей водку, бай!

Пей вдоволь, да ума не пропивай!
Уже совсем недалеко Китай.
Там будешь жить в покое и почете —
Сядь на кошму да денежки считай!

77

Тут сверху камушек скатился вниз,
И вслед за ним другие сорвались...
Бандиты перепуганно вскочили.
Ты рано успокоился, Борис!

Там наверху,
 немного в стороне,
В просвете неба,
 словно бы в окне,
Возник из тьмы отряд красноармейцев
И вместе с ними доктор на коне.

Перед лицом карателей своих,
Опомнившись от страха, в тот же миг
Купец стал точно целиться в Андрея:
«Пришел твой час, проклятый большевик!»

Но, вылетев из меткого ствола,
Купца чужая пуля обожгла.
Она Чонголу руку перебила —
Бекташем пуля послана была.

А пулей конармейскою другой
 Был бай Алас отпущен на покой.
 Не хватит ли сбесившемуся волку
 Вести свой безнаказанный разбой!

Тут левою рукою за седло
Чонгол схватился:

— Мне не повезло,
Но золото успею сбросить в пропасть.
Ступай туда, откуда и пришло!

Но конь, в испуге сбив Бориса с ног,
Его с собою в пропасть поволок.
В последний раз купец перекрестился
И, вставив дуло в рот, спустил курок.

Тут новые хозяева земли
К врагам убитым тихо подошли.
...Вершины гор торжественно алели
Под солнцем, занимавшимся вдали.

Содержание

Разве забудешь? Перевел А. Поперечный	3
Атай. Перевел А. Поперечный	5
Зерно. Перевел А. Поперечный	7
Каменная крепость. Перевел А. Поперечный	8
Жить! Перевел А. Поперечный	10
Не скажу... Перевел А. Поперечный	11
Арчовый посох, белый колпак. Перевел А. Поперечный	13
«Много о стане я женском писал...» Перевел А. Поперечный	15
Боз-Дайра. Перевел А. Поперечный	16
Дума о завтрашнем дне. Перевел А. Поперечный	18
Тогуз-Торо. Перевел В. Цыбин	24

«Никто не находил на свалке сла- ву...» Перевел А. Поперечный	27
Взморье. Перевел А. Поперечный	28
На улицах Риги. Перевел А. По- перечный	29
Балтика. Перевел А. Поперечный	31
«В Алма-Ате есть яблони мои...» Перевел А. Поперечный . .	33
Талды-су. Перевел В. Цыбин . .	35
Семья. Перевел А. Поперечный .	37
Истинная дружба. Перевел А. По- перечный	38
Калам. Перевел А. Поперечный .	40
Золотой песок. Перевел В. Цыбин	41
Две песни. Перевел В. Цыбин .	43
«Московская» улица. Перевел В. Цыбин	44
Портрет Кастро. Перевел В. Цыбин	46
Первое ремесло — язык. Перевел А. Поперечный	48
Большой Нарын. Перевел В. Цы- бин.	50
Винтовка. (Поэма) Перевела Т. Стрешнева	58

МАЛИКОВ

Кубанычбек Иманалиевич

ДУМА О ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ

М., «Советский писатель»,
1964, 84 стр.

Редактор **Е. С. Елисеев**

Художник **Л. И. Ламм**

Худож. редактор **Е. Ф. Капустин**

Техн. редактор **Н. Д. Бессонова**

Корректор **И. А. Чайна**

Сдано в набор 30/VI 1964 г.
Подписано к печати 25/VII 1964 г.
А 08401. Бумага 70×108¹/₃₂.
Печ. л. 25⁵/₈ (3,59). Уч.-изд. л. 3,07.
Тираж 4000 экз. Зак. № 83
Цена 15 коп.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, В. Гнезниковский пер., 10

Тульская типография Главполиграфпрома
Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати
г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109

**Издательство
просит читателя**

дать отзыв

как о содержании книги,
так и об оформлении ее,
указав свой точный адрес,
профессию и возраст.

**Библиотечных работников
издательство просит**

организовать учет
спроса на книгу
и сбор читательских отзывов.

Все материалы направлять по адресу:

Москва К-9,
Б. Гнезниковский пер., 10
издательство
«Советский писатель».